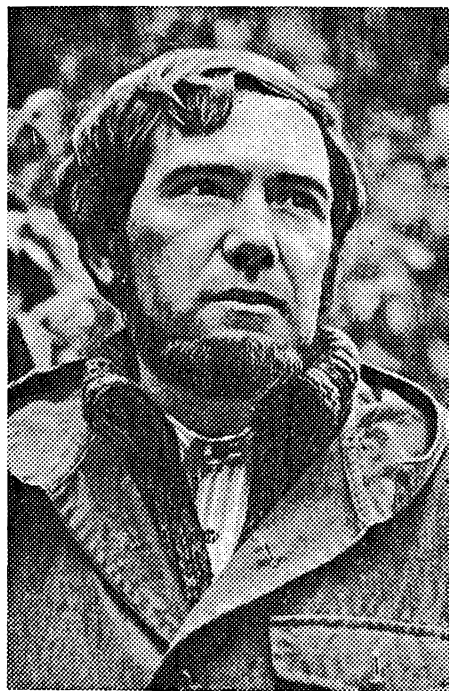

A decorative border in a folk-art style surrounds the text. It features stylized green leaves with black outlines, orange flowers with dark centers, and a butterfly on the right side. A small orange star is positioned above the title, and a small orange leaf-like shape is below it. The entire design is set against a light cream background.

Владимир
Перехов

СВЕТ
УТРЕННЕЙ
ЗВЕЗДЫ

Владимир
Терехов

С В Е Т
У Т Р Е Н Н Е Й
З В Е З Д Ы

СТИХИ

Симферополь. Издательство «Таврия». 1980.

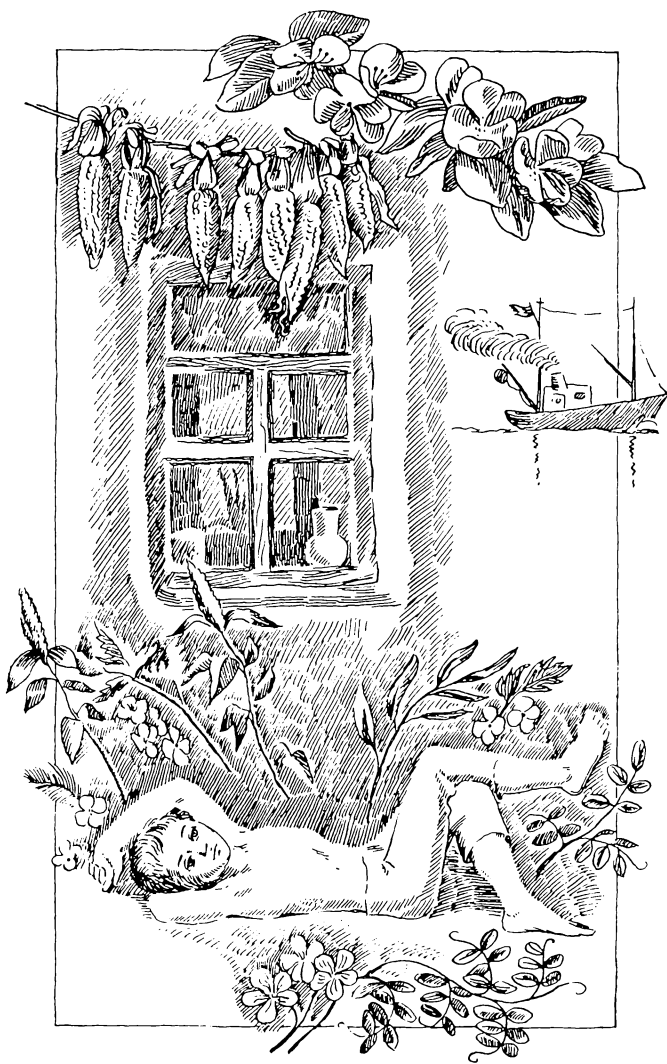
Терехов В. П.
Т35 Свет утренней звезды: Стихи. — Сим-
ферополь: Таврия, 1980.—80 с., ил.
35 к. 6000 экз.

В новый поэтический сборник Владимира Терехова вошли стихи последних лет. В них поэт продолжает главную свою тему — поэтические раздумья о людях труда, о земле — первооснове человеческого существования; немало в книжке стихов о природе родного края, любви.

Поэма «Даван» посвящена комсомольцам БАМа. Искреннее волнение чувствуется в строках о труде строителей, в мыслях о магистрали века, о нелегких, но победных дорогах, пройденных нашей Советской Родиной.

Т 70402-020 64-80 4702010200
М216(04)-80

84.Р7
Р2

К Е Р Ч Ь

Я родился, когда к прибрежным
ввязам
Спешила осень в синеве морской,
Стояли дни прозрачно глубоки,
К путине снасть вязали рыбаки.
Теперь, сдается: был и я завязан,
Как узелок — для памяти людской.

Я помню Керчь! О, как она
горела!
К слепому небу возносился дым.
На лицах улиц, выбеленных
мелом,
Чужих сапог кровавые следы.

А самолетный рой над переправой
Мерещится мне ночи напролет.
И рев разрывов за скалой корявой
Мне тишину расслышать не дает.

Но ты жила. Винтовкой
и гранатой!
Жила подземной динамитной
тьмой.
Вставала вновь и вновь
у Митридата
Из груды стен расстрелянных
домов.

И, становясь летучею легендой,
(Врагов еще и до сих пор знобит!),
Бросаясь вброд и вплавь
до Эльтигена,
Рвалась Тамань, чтоб Керчь
освободить.

Мой добрый дом, он, как солдат
убитый,
Лежать остался на передовой.
Но панычами синими обвитый
Крыльцом на солнце дом стоит
другой.

Гляжу туда, где ржаво «щель»
зияла —
И холод глины чувствует щека...

Тот карапуз хохочущий не я ли?—
Лежу себе на рыжем одеяле
И тискаю кудлатого щенка.

ХЛЕБ И ВОДА

Его насущным называли встарь.
Ну а теперь, случается, не ценим.
И у прилавка медь неспешно цедим.
Но вот, ей богу же! от этого не стал
Он менее святым и драгоценным.

Вода играет бликами на дне.
И через край так бесконечно пьется!
Что может быть бодрее и родней
Воды
из полуденного колодца!

Хлеб и вода.
Уж с них не запоешь.
Но говорю, осилив непогоду:
Спасибо, жизнь, за то,
что хлеб и воду —
Так много —
нам в набатный час даешь.

Хлеб и вода — и снова молодой
Вставала Родина, отбросив
супостатов.
И Революция, и Сорок пятый
В родстве глубоком
с хлебом и водой.

Коль будет хлеб с водою на столе,
Не пропаду в любой житейской
ступе.

Как хлебороба,
уважаю хлеб
За то, что безотказен и доступен!

На том и в жизни собственной стою:
Не кровью к людям —
хлебом приобщаюсь.
Я сути человеческой причащаюсь,
Жуя краюху
строгую
свою!

В. Г. Петренко

Варвара Гавриловна!
Не забывается:
Керчь. Девятнадцатый. Белых
войска.
Кто не притихнет испуганным
зайцем,
Если наган у виска?

Но не поверила ясная молодость
Ужасу пыток и мраку могил.
Жить, хоть промеж наковальней
и молотом,
Только покорными жить не могли.

Тянутся сумерки плачем сычиным.
По-за деревнею — ни огонька.
Сжав трехлинейки, уходят
мужчины
В красные скалы Аджимушкой.

Кто там у печки хлопочет ночами?
(Белоказачий патруль не ослеп!)
Сердце сжимается — ох как
отчаянно —
Красным мужьям вы готовите
хлеб!

Женскую эту заботу извечную
Как вы таите от глаз и молвы!
С хлебом насущным навеки
повенчаны,
Так в Революцию верите вы!

Люты деникинцы: пули да плети,
Тощи запасы — по пригоршням
счет.

Варя Петренко вперед на столетья
Хлеб красноезвездный печет!

В дали ночные тот хлеб уносили
С думой единственною на лице.
Было в том хлебе праведной силы
Больше, чем в порохе и свинце.

РАБОЧАЯ ОСЬ

Крымским корабелам

Не с гудящего летнего пляжа,
Не с гремучих осенних пучин,
Корабли начинаются с плаза*,
С озабоченных лиц мужчин.

Перед жесткой строкою расчета
Плоскость плаза лежит чиста
Чуткой плоскостью самолета,
Поле ватманского листа.

И на плоскости первым делом,
В деле время не торопя,
Чертят краскою или мелом
Ось грядущего корабля.

Не на глаз, не под шнур — по науке
(А наука не так уж проста)
Эту линию ладят руки,
И ложится она упруго,
Словно первая борозда.

Туго выгнутся парусами
Две дуги в корабельный рост.

* Плаз — помещение с гладким полом, окрашенным масляной краской, на котором вычерчивается в натуральную величину чертеж строящегося судна.

Соединенными полюсами
Между ними — корма и нос.

Немудрящий, прямой и честный
Человеческий меридиан,
Он выводит из доков тесных
Корабли в океан.

И, раскалывая торосы,
Напрягая перо руля,
В предназначенные широты
Направляет свой ход Земля.

След свивается млечной пряжей,
В трюмах гул непчатых сил...
Корабли начинаются с плаза,
С безупречной «рабочей оси».

БАБА ЛЮБА

Баба Люба возится в сарае,
Ведрами порожними звеня,
Откликаясь на ее старанья,
Рыхло рохчет грузная свинья.
С ясел чутко свесился налыгач,
Грустно пахнет вялым бурьяном,
За стропила заткнута герлыга,
А на ней — гнездо уже давно.
А в гнезде-то ласточки щебечут.
Так щебечут ласточки весной!
Помнишь, Люба:

зажигали свечи —
Стала Люба венчанной женой.
Муж достался ей такой хороший,
Грех сказать, ни разу не побил.
Ну прищыкнет иногда постройже,
Выпить мог, но лишнего не пил.
Жить бы с ним в согласье
и достатке
Да судьбой такую дорожить.
Что ж ты видишь на восьмом
десятке?
Что еще ты помнишь? Расскажи.
Жить тепло ль, когда судьба
изжита?
Все, что быть могло, — уж позади.
Убрано посеянное жито.

Родит сад, что вышло посадить.
Что ни год — пахала и растила...
И на зависть дюжим мужикам
Урожаев жизненная сила
Покорялась Любиным рукам.
Часто ль были праздники на свете?
Будто снова шла из-под венца:
Про нее печатали в газете —
Аж менялась в радости с лица.
А когда на отдых провожали,
Многим Любу ставили в пример.
Иль не рада премиальной шали?
Сделай одолжение — примерь!
И ее, пропахшую свечами,
Вынимает Люба не дыша:
— Вот помру, так дочке
завещаньем
Все оставлю. А особо — шаль.

Дед Семен остановил твисты-шейки
 свистом:
 К лешему магнитофон! Дайте гармониста!
 — Эй, Серега, де ты есть? Хватит бить
 баклуши.
 На, держи свою гармонь. Всколыхни-ка
 души!

Будто вовсе и не пьян. Потянулся гордо,
Развернул Сергей баян. Подобрал аккорды.
Усмехнулся: что за честь визгам пороссячим!
И пошел коленца плестъ, все бойчей, все жарче!

Всей душой ушел в баян. Подменили
парня.
— Ах ты, барыня моя, ты моя сударыня!
Спросишь — хмыкнет невпопад. Лишь
мелькают пальцы.
Взгляд нездешне глуповат — только
вальсы, вальсы.

Кавалеры, женихи лет послевоенных,
Лихо топчут башмаки, кружатся
степенно.

Стал серьезным, как хирург, повлажнили
брови,
Только — музыка из рук. Вот вам.
На здоровье!

За капустою в сарай ты ныряй-выныривай,
Ты играй себе, играй, до утра
наигрывай!
— Ой, как ластится река к бережку
зеленому.
— Врежь-ка, хлопец, гопака, заодно
«Семеновну»!

Парни ухают в присядку, чей-то
кружится платок,
Без оглядки, без устатку по асфальту
стукоток.
От столов ушла волна. Галстук виснет
на гвозде.
«— И-эх, Семеновна, тебе поют везде!»

Подбоченилась картинно, задышала
жарко
Мельниченко Валентина, первая доярка,
И пошла себе, пошла, в самый круг
влетела.
Что работа? Трын-трава! Танцы —
это дело!

— Ты играй себе, играй, на девах
не зарься.
Если б начали вчера — к утру
наплясались!
Ах, Сережечка, мой друг, ты играй
до точки,
Я лицо тебе утру кружевным
платочком.

Ну вот и свиделся с тобою,
Земля моих ребячьих снов.
Та, что положена судьбою
Основой всех моих основ.

Голодный год жевал мякину,
И обрывались якоря.
Мой дед с семьей тебя
покинул
И съехал в новые края.

Я не корю его. Покорно
Его и мертвые простят.
На каланче водонапорной
Лелеет аист аистят.

И неспроста к себе тянула
Во мне живущая земля.
Родня шумит весенним
гулом,
Застольем душу веселя.

А пир кипит в крестьянском
вкусе —
Гулять готовы до утра.
А поутру идем к Марусе
Косить крутые клевера.

Косу мне долго подбирают,
Чтоб позамашистей была.
В речах щадят —
 не напирают.
И, в общем, хвалят за дела.
За что хвалить?

Мне режет пятки
Бедовый дядя Емельян.
И я мотаюсь без оглядки
С такой работы сыт и пьян.

Кряхтят «газоновы» колеса —
Уже на пенсию пора.
Куда там! Скачем на покосы
Сухие копны подбирать.

А я азартный и голодный,
«Отвыкший к сельскому
труду».

Мы до ночной звезды
холодной
Растили теплую скирду.

Закат — вишневое варенье,
Под рушниками старый стол.
Наверно, с возрастом, старея,
Мы вспоминаем про исток.

Меня сюда недаром звали.
Пустует в комнате кровать.
И так легко на сеновале
Под лай собачий засыпать.

Родня, родня, не лей елея.
Так жалко мне твоих потерь,
И самого себя жалею,
Что породался лишь теперь.

ТОПОЛЬ

«Клен ты мой опавший...»

С. Есенин

Пропылит под вечер
Медленное стадо...
Тополем высоким
У дороги встану.
Чувствую корнями
Глубину земную.
Где весну я встретил,
Там и зазимую.
Все меня здесь любят
Не в словах — на деле.
Степь передо мною
В даль дороги стелет.
Синие курганы
Мне вокруг знакомы.
И вздыхает в скирдах
Теплая солома.
Задирает скирды
Беспокойный ветер,
Несерьезный ветер,
Бестолковый ветер.
Пьяно обнимает
Всех без перечету,
Забредая в гости
Шелестит о чем-то.
Но его мне слушать
Что-то нет охоты.
Я гляжу на небо —
В небе самолеты!

У Калиакры волны глухо бухают
И море моет берега плиту.
Стоят хлеба в окрестностях
Толбухина,
За Варною подсолнухи цветут.

По деревням уже не спят усадьбы,
Уже плывет ленивый летний дым.
А в старом Габрово с утра
гуляет свадьба,
Одаривая счастьем молодых.

На солнечном настояны меду,
Для них вовек рассветы не иссякнут.
На их пути веселые хозяйки
Свои дворы и улицы метут.

Подарками загромождили стены,
А свадьба — час от часу веселей,
Сама собой подарок драгоценный
Всем, кто живет в заботах на земле.

В моих глазах разлуки глубина.
Но сквозь нее: на молодом ветру
Стоят хлеба в окрестностях
Толбухина,
За Варною подсолнухи цветут.

Болгария, 1972 г.

Г Р О З А

Гроза нагрянула внезапно,
Запутав лоз живую вязь.
Боясь промокнуть и озябнуть,
Я поспешил под старый вяз.

Туда ж подъехала каруца.
Возница осадил коня.
А ливень сек по листьям круто
И таки вымочил меня.

Хлестали молнии с размаху,
Взбивая пепел и золу.
Стащив прилипшую рубаху,
Я жался к теплому стволу.

А мой сосед, пиджак свой
скинув,
Мне протянул его, как мим...
Но мы по-братски наши спины
Укрыли пиджаком одним.

А гром, проламывая ветки,
Метался зверем по округе...
И вместе мерзли мы от ветра,
И вместе грелись — друг от друга.

Болгария, 1972 г.

ТАНЕЦ НА ОГНЕ

*Нестинарство — искусство хождения
по огню — до сих пор живо в Бол-
гарии.*

На лицах блики пляшут жарко.
Ты ждешь, костер не торопя.
Ах, нестинарка, нестинарка,
Мне страшно глянуть на тебя!

Вначале кружишься по краю.
О чем же таинство твое:
С огнем ли женщина играет?
Из пепла ль Феникс восстает?

Костер мерцает, как Галактика,
Зияет жутью звездных недр.
А кем-то сказано: все —
практика!
И никаких загадок нет.

Пусть даже так. И в том загадка!
Не пред людьми, пред сонмом
гор,
Как улыбаешься ты сладко,
Когда взбегаешь на костер!

И вдруг смешок среди оваций,
Намек на истину одну —
Мол, все мы, если разобраться,
С рожденья ходим по огню!

Но здесь не это. Здесь другое.
Нальется сном почная гать.
Среди довольства и покоя
Нам танец тот не разгадать.

В нем отрешенность или удаль,
Перед которыми встаем?
Ну кто ответит мне: откуда
Искусство звездное твое?

Каких тысячелетний эхо
Так яростно живет в тебе?
Цветок ли, огненная вежа
В твоей, Болгария, судьбе?

Когда народ вставал горою,
Когда призыв борьбы звучал,
Твой танец вдохновлял героя
И насмерть недруга смущал!

И я гоню свой страх грошовый,
Восторги зрелища гоню —
Лишь только чистые душою
Ходить способны по огню!

А как могло еще случиться?
Есть таинство, но тайны нет.
Не мог на свет я не родиться
В льняной сорочке добрых лет.

Не удивляет совпадение
Моей руки с чужой рукой,
Стремлений общее паренье,
Порывов общий непокой.

Ну как еще могло случиться?
Ведь я — побег твоих корней!
С молочных лет тебе учиться
Мне суждено до крайних дней.

Я не ищу своей удачи
В твоих полях — дышу тобой.
И ничего почти не значу
Своею рифмой полевой.

А на обочине ромашки,
Овсы, намокшие в росе...
Какие бойкие замашки
У всех снующих по шоссе!

В сплетеньи линий или нитей,
Средь заклинаний и речей

Я — бессловесный твой ревнитель,
Хранитель твой и казначей.

Служу тебе душой и телом,
Все испытания любя.
Ну что, скажи, еще мне сделать,
Еще мне сделать для тебя?

ДУЭЛЬ

Я не помню — который век:
Девятнадцатый ли, двадцатый.
То ль дворец, то ль барак
дощатый
То ль симпозиум, то ль забег...

Только помню: мне снилось, будто
Я в огромной толпе один
И проходит, кинув кому-то,
Импозантнейший господин.

Я забыл: Петербург, Париж?
Или, может быть, Симферополь?
На сугробе дымится пыж,
Над березой вороний вопль.

Это он. Это он. Дантес!
Сердце прыгнуло в испуг. И молчит потрясенный лес
Соучастником преступления.

Эта пуля, века прошив,
Столько ран родила, ухмылок...
Почему, п о ч е м у ты жив?
Так же дерзок, галантен, пылок

Почему же ты жив до сих пор?
И вершишь свое черное дело?

Продолжается поединок,
Поединок добра со злом.

Все взаправду — не на балете.
От возмездия не уйти.
Не игрушки, но пистолеты,
Уйма времени впереди!

Бесталанна моя беспечность —
Для дуэли где взять талант?!
Секундантом?
Пусть будет вечность —
Неподкупнейший секундант!

Мы применяемся к погоде,
И вот уже — в который раз! —
Погода новая приходит,
Меняя мир и в чем-то нас.

Черед зиме, весне и лету —
Природы вечное лицо.
Но лезут в уши, спасу нету!
Благожеланья мудрецов.

Мол, нужно выглядеть по моде,
Мол, по сезону должно быть
И во саду, и в огороде...
А дальше — больше. Нечем крыть:

Мол, время новос настало.
Оно немилостиво к тем,
В ком переменчивости мало,
Кто ритм не чувствует и темп.

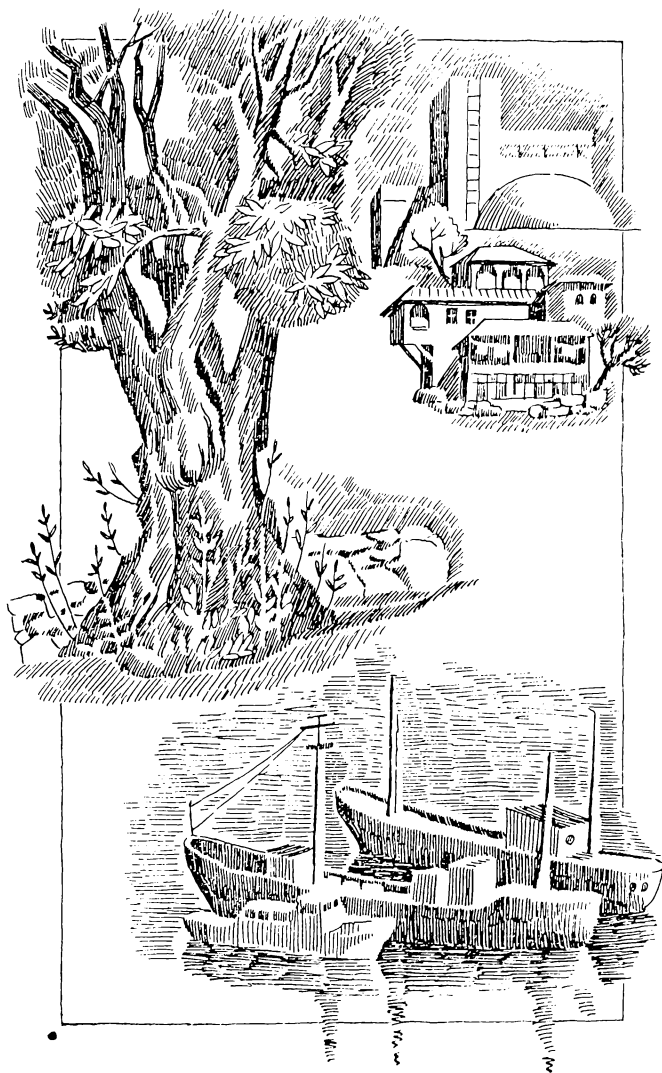
Сжимает страх петлей ременной —
О том ли мучаюсь, пою?
Боюсь прослыть несовременным,
Отсталым выглядеть боюсь.

А сердцу душно, сердцу скушно —
Уймется ль улиц маята,

И модной станет простодушность,
Добросердечность, прямота?

Будь счастлив, практик
 мой крикливый!
Но помни: вечны, видит бог,
Для всех сезонов и эпох
Свобода, честь и справедливость!

Твоя забота — в штиль и ветер
Быть на волне, быть на коне.
Но не забудь — как на войне,
Мы перед временем в ответе,
А перед вечностью — вдвойне!

Не верьте, что слезы нам душу врачуют.
Не верьте, что боль исцеляет от ран.
Страдания, по белому свету кочуя,
Нам жизнь разъедают, как тело — уран.
Они гордецов превратят в попрошайек.
Толкнут жизнелюба к последней двери.
Они не спасают, они иссушают.
Лишь радость способна живое творить!
Но как ее мало! И как ее тратим!
Все илом запосит бездумный поток.
Но роется в иле какой-то старатель —
Большие ладони, лопата, лоток...
Копается кто-то в своем огороде.
Другому иная забота близка.
Отмой нашу радость от ржавой породы,
От липкой крупы золотого песка!
Приходят сомненья отравой ползучей,
Уж в сердце не песня — отчаянный стон.
И все же: да здравствует радостный
случай,
Рождения случай — не смерти закон!
Душевные муки — капризы, не боле,
Когда тебя гложет таежная гнусь.
Оставлю себе свои беды и боли
Лишь радостью чистой с людьми
поделюсь!

* * *

Снова насупилась даль снеговая.
Двигается туч молчаливая рать.
Птицы собою поля засевают.
— Не улетайте! Зачем улетать?

К нам еще ветры нагрянут
нескоро —
Солнечный луч веселит зелены.
Здесь еще родина: небо и горы.
А за горами — чужая земля.

— Мы б никогда никуда не летели,
Только с природою не совладать,
Невыносимо, чтоб дни и недели
Все холода, холода.

— Там, за морями, где щедрое
солнце,
Сыто ли жить у чужого стола?
Что ж так упрямо в чужбину несется
Птичьего счастья лихая стрела?

— Там, за горами,— ни дома,
ни счастья,
Слезы дешевле, чем в море вода.
Гонит нас по миру злое ненастье
И холода, холода.

— Снег упадет, но от нежного
снега

Не остается к полудню следа.
А по ночам разгорается Вега,
Птичьей судьбы путевая звезда.

— Снег упадет, а потом
не растает.
Север дохнет настоящей зимой.
Поздним рассветом последняя стая
Круг молчаливо сомкнет надо мной.

Этих минут ожидаю в испуге,
Словно отлета души.
Сердце мое, оставаясь на юге,
К северу вечно спешит.

Там в снегопадах мерцают березы,
Тайно движенье уснувшей реки.
Мне ли бояться япварских морозов?
Корни мои глубоки.

Ах, как смирно они стояли,
Равнодушно на нас косясь.

Раздувались бока парные —
Николай из ведра поил:
— Хулиганы мои родные,
Звери-лошади вы мои!

В О Л К

Я шел при свете дня.
Я напрямик ломился.
Ты не стрелял в меня —
Посторонился.

Я стреляный тобой,
Я травленный и битый.
Меж нами — только бой.
И нет сильней обиды.

Ты был всегда, как встарь,
Жесток, задирист.
Так в чем же дело, царь?
Мы устыдились?

Теперь, как пол-Земли,
Костью укрыли,
О волчьей пользе мы
Заговорили?

Теперь зовешь на пир,
И в долю взять согласен?
Но где, скажи, тот мир,
Что был мне люб и ясен?

Охоты пот и кровь
И за спиною крылья...

Я был всему король —
Все стало былью.

Я от тебя в овраг.
Мне тошно в мокрой яме.
Я твой заклятый враг.
И нам не стать друзьями!

Тесно твоё жильё,
Твои дороги — плети.
Ты логово мое
Табличками пометил.

Уж обо мне стишки,
Единственного слава.
Таблички не флажки,
А чудится облава.

Кровавятся глаза,
И лапы, как поленья.
А в уши голоса:
Спасем от истребления!

Как это все старо:
Облава ли, засада.
И пульей под ребро
Твоя пощада!

Я прирожденный волк
И в том чего-то стою.
Я в драках знаю толк,
Но не могу овцою.

И нет пути назад,
Хотя лазеек масса.
Я в том и виноват,
Что не могу без мяса.

Погаснет листьев медь,
Бедою станет праздник,
Коль волка пожалеть,
Еще раз угораздит!

Подмогу не зови,
Нас не застанут вместе.
Мне сладок вкус крови
И свято чувство мести!

Лес рубят — щепки летят.

На лесосеке солнца — добела.
И срезы пней, как лампочки, сияют,
Лес аккуратно скатан в штабеля,
И, как проломы, вырубки зияют.
Вот лесоруб (нам крупно повезло).
Спроси его, и объяснит сурово:
Его старанья лесу не во зло
И не страшны, коль дерево здорово.
Но коль с дуплом — его жалеть
нельзя!
Заботы наши о здоровом лесе.
К тому ж дрова, их где-то нужно
взять,
Ведь лес не только воздухом
полезен.
Хозяйственник, он бесконечно прав:
В сухих дровах гораздо больше
пользы...
Хоть никогда садить леса не поздно,
Но не рубить давно уже пора.
Я топорам не вижу оправданья.
С поклоном лесоведам говорю:
За результатов мудрое незнание,
За неоплатный труд — благодарю!
Наперекор велениям небес
Не уступая лесорубам бравым,
Сажайте же, выращивайте лес!
И в том навек останетесь вы правы!

Берега наполнялись криком,
Между скал закипал бурун.

Догорали закаты дотла.
Не салаги — мужи по сути,
Мы плескались в чем мать
родила,
Кто за это осудит?

И, о лучшем мечтать не смея,
Каждый был несказанно рад.
И лианился виноград,
И красиво скользили змен.

Мы ловили с камней зеленух
Примитивнейшей снастью.
И, казалось, наш вольный дух
Никому приручить не удастся...

На зов огня, к его гнезду
Летят бестрепетные души,
Не надо пальцем красоту —
Вселенную разрушим.

Пусть не сейчас, когда-нибудь,
Она живых сердец коснется.
И как бы ни был долог путь,
Прикосновение не сотрется.

А мы не едем, так бежим,
Сочатся кровью перепонки.
Как будто жизнь прожить
спешим
За удовольствиями в гонке.

Судить привыкли на ходу
И восторгаться чем попало.
Спешите видеть красоту,
Ведь на Земле ее так мало!

Удачу ловим за узду
Все деловитее и злей.
Умейте видеть красоту,
Ее так много на Земле!

Она является в снегах
И в молодой пыли колосьев,

Доверчива, простоволоса
И ослепительно нага.

Земли и сердца высоту
Узнал, кто смог ее увидеть.
Не отвергайте красоту —
Великий грех ее обидеть!

Вечер тлеет, огонь затая.
Наклонилась луна у колодца.
Все вернется на круги своя,
Все к истокам однажды вернется

Возвращается в недра вода,
Возвращаются птицы к гнездам,
Возвращается счастьем беда,
Возвращаются песней слезы.

Возвращается к веснам Земля.
Возвращается юность сыном.
Тихо радуется семья,
Что растет беспокойным,
Сильным.

Возвращается в недра вода,
Чтоб родник пересохший ожил.
Возвращается все. Никогда
Возвратиться любовь не может.

Пушкинская вечером
Рекою течет,
А девочки такие,
Что: Ах ты черт!
Сроду не видывал
Девочек краше.
Где же вы были
Девочки раньше?
Где вы воспитывались?
Где вы росли?
Пока я со сверстниками
Взрослел
По аудиториям,
Общежитиям скученным —
Не очень весело
И не очень скучно.
Так и не заметил
Восемнадцати лет
Где-то на практике
В кукурузном селе.
Как-то себя
За книги усадив,
Так и не заметил
Своих двадцати.
Работа ночами
Не давала спать —
Двадцати двух

Не заметил опять...
Не заметил опять,
Не заметил опять
Свои двадцать пять,
Двадцать пять!
Двадцать пять!..
Ветер на закате
Раздул пожар,
Город улыбками
Губы разжал.
Кофточки в обтяжечку,
Коленки из-под юбочек,
Мальчиков с пальчиков
Веселые шуточки.
Но девочки серьезные,
Девочки ждут.
Прогуливаются девочки
То там, то тут.
Белеется сугробами
Майская акация,
Шагами тяжелыми
Мне улицу раскачивать;
Не нужно мне ту,
Не нужно мне эту,
Нужно мне ту,
Которой нету,
Которой нету,
Которой нету,
За которой лететь
На другую планету.

Во сне деревья вздрогнули,
Наверно, что-то снится им.
Не дальняя дорога ли
С вечерними зарницами?

Луна такая хрупкая,
Дотронешься — сломается.
В хлеву корова хрумкает —
Бессонницею мается.

На небе звезды рясные
Мерцают и срываються.
И, как мечты напрасные,
О землю разбиваются.

Мне ли молодцем рядиться —
Не ко дню одет.
Поплыву куда глядится
По густой воде.
Поплыву по той воде
Во второй ли, третий раз.
Не искал тебя нигде —
Ты сама мне встретилась.
Льется золото монет,
Хрупких листьев шум.
Никуда не деться мне
От летучих дум.
Не искал тебя, не звал
Средь лесных русалок.
Я тебя поцеловал —
Ты ж меня связала.
Ах, у этой у реки
Под кустом калиновым...
Слышал я, как будто клин
Вышибают клином.
Госпожа ты, госпожа,
Голубая речка,
Слышал я, что пал-пожар
Гасят палом встречным.
Осень разноцветная,
Горы в серебре.
Сосенка заветная
На крутой горе.

Всполошились к ненастью
стрижи.
Мотоцикл заметался бесцельно.
Тихо тлеют столбы Демерджи
И туманом дымятся ущелья.

Старый сад среди добрых гор.
Место наших наивных встреч.
Там, наверное, до сих пор
Родниковая льется речь.

Думал я: прилечу — позови!
Ты позвал и не взять мне
в толк:
Возвращался к истокам любви,
Только где же он, тот исток?

За плотиною гладь воды.
Меж горами раздолье вод.
Молодые понт сады
Той водою водопровод.

Здесь иная теперь краса —
Под сосной карасей лови.
Но живет под водою сад,
Бьют на дне родники любви.

Над собою не властен,
Мне двух слов не связать.
И хотя бы ненастье,
Так ведь солнце в глаза.

То ль никак не осмелюсь,
То ль в смятеньи душа.
Где акации шелест,
Замедляется шаг.

И глядит одиноко
В пустоту тишина —
Глубина твоих окон
Безответно темна.

Но я счастлив, что видел:
Улыбалась! Не мне...
Не заплакал с обиды —
Стал спокойней вдвойне.

И по ком та улыбка?
Словно луч над водой?
Золотая ли рыбка,
Может, лист золотой...

Бывают праздники в судьбе.
Они случаются не часто.
Держу в себе, пошу в себе
Свои напастья и несчастья.

Зачем своими умножать
Скорбящий хор чужих печалей?
Ведь на устах любви печать
Творцом поставлена вначале.

Я навсегда возьму с собой
Листа осеннее круженье.
Свою единственную боль
Не выставлю на обозренье.

Зачем? Чтоб ковырялись в ней
Случайным, заскорузлым
взглядом...

И состраданий мне не падо,
От них становится больней.

Любовь, любовь, ты соль земли.
Но ничего бы я не понял,
Меня бы вьюги замели,
Когда бы тайну растрезвонил.

Когда бы предал откровенья,
Что предназначены для двух.
Не оскорблю святых мгновений
Словами, сказанными вслух.

С Н Е Г В Г У Р З У Ф Е

Мое окно на третьем этаже.
И, не жалея вытянутых шей,
Топорща непричесанные космы,
Ко мне в окно заглядывают сосны.
На землю оседает тихий снег,
И этот снег для сосен, видно,
в редкость.
А тишина такая, как во сне,
Чуть кашлянешь — и чутко дрогнет
ветка,
Упавшим снегом распугает птиц,
Игривых легкомысленных синиц.
На старых сучьях мох, как будто
пакля,
На иглах осторожно виснут капли
И падают потерянно на землю,
Туда, где в лужах вздрагивает
зелень.
В кустах, вблизи, хозяин — черный
дрозд
Шныряет и во все сует свой нос,
Куражится, скандалит, словно
пьяный,
Над серыми богует воробьями.
А там под возгласы девчат
Два парня, голые по пояс,
Кривляясь и дурашливо крича,

Ударами друг друга горяча,
Затеяли возню между собою.
Снежки, как ядра белые,
как бомбы.
Бескровный бой и вестл и жесток,
Такого здесь, пожалуй что,
не помнят
Лет пятьдесят, а может быть, и сто.
И снег, и смех, и необидна шалость,
Кто усидит средь книжек и газет?
Все общежитье радостно сбежалось
На редкую забаву поглазеть.
На склонах виноградники пусты,
В снегу земля, деревья и кусты.
Нежданный снег накликала
сорока —
И вся работа кончена до срока.
Принарядились девушки уже,
Поглядывают с важностью курносой.
Мое окно на третьем этаже —
Ко мне в окно заглядывают сосны...

Зеленеет на склонах жито.
Незнакомо журчит родник.
Я, пшеничной равнины житель,
По горам тосковать привык.

Кем он проклят и кем он заклят
Отрешенья счастливый миг?
Ухожу от случайной сакли,
Не раздумывая, напрямик.

Даже мысль трепыхаться
устанет.
Дрогнут ноги, ступив на лед.
Умный в гору переться
не станет,
Путь продолжив, ее обойдет.

И, бессмысленные вовеки,
Эти траверзы нележки.
Подо мною беснуются реки
И ворочаются ледники.

Надо мною упрям и неистов
Самолетик ведет борозду.
И учусь я у альпинистов
Не терять высоту.

Внизу гремит Кассарское ущелье.
Грызет гранит трудяга динамит.
Но гонит нас жестокое влечение
Туда, где небо грозами гремит.

Туда, где рододендронов сугробы
Зовут, повиснув, снежные мосты.
Там, не подвластный мелочным
хворобам,
Ты больше не боишься высоты.

Пусть города гудут, как стадионы.
Здесь водопады падают в пики,
И солнце обожжет лучом каленым,
И ливень обольет на леднике.

Там, где вершины смотрят в даль
 земную
(Не оскорбит их робкая нога!),
С восходом и закатом соревнуясь,
Роскошествуют горные луга.

[illegible]

Еще над миром ночь, но льется дальний
свет.
Не горные снега, не след от самолета:
Свет боли, свет любви, паденья
и полета —
Свет утренней звезды, рассвета легкий
свет.

У неба на краю свет утренней звезды.
С годами все сильней земное
притяжение.
У ночи на краю раскаянье, прозренья
И тайное рожденье колодезной воды.

Сильнее ничего не знаю отродясь,
Чем дальше, тем родней, тем
несказанно ближе,
Не слава, не слова, не выставка
в Париже —
Свет утренней звезды — с Землей
живая связь.

Свет утренней звезды подарит мне
рассвет,
В палате ли, в пути — везде меня
отыщет.

И буду счастлив я, как ни один
из тыщи.
И буду счастлив знать, что выше
счастья нет.

Свет утренней звезды, свет утренних
снегов.
В кругу горячих снов когда-нибудь
приснится.
И вот мечтаю вновь увидеть сквозь
ресницы
Свет утренней звезды и больше ничего.

— Слушайте, хлопцы,
 ворчи не ворчи,
Мы комсомольцы
 или «бичи»?
Стройка сурова —
 чтоб ни случилось,
У обстоятельств не выпросить
 милость.
Если машине подъем
 не под силу,
Если змеиных извивов не взять,
Ставка одна —
 на рабочую жилу.
Слово одно:
 без дороги нельзя!
Криком,
 как спиртом,
 оплавило рот:
Слушайте все:
 Комсомольцы
 вперед!

2

Бам, бам —
Удары по рельсам.
Бам, бам —
Работой согрейся!
И не проблема
 ранний мороз —
На путевые молоты спрос.

Каленый костыль.
Воздух застыл.
Легкие, как меха,
и...

— Ха!
— Раз,
Два —
Счет.
Крепок листвяк,
Черт!
Еще пол-удара
И рельс пришит —
Все незадаром,
Все от души!

А вот работа полегче:
В руки, ребята,
Клещи.
Ломики взвесь —
Двинули рельс!
— Раз,
Два —
Счет!
Пот по бровям
Течет.
Еще маленько.
А ну, не спеши!
Дрожат коленки?
Моторы глуши.

Сжаты кувалды
В ладонях оббитых,
Над головами
Летят по орбитам.
Нету другого сравнения,
Нету!
Так по орбитам
Летают планеты!
Руки в плечах,
Как притяженье

Солнц
В триллионы тонн!
На каждом из нас
Закон тяготенья
Смог бы
Открыть Ньютон!

3

Это, скажу вам, ребята,
аврал!
Это,
скажу,
работенка мужская.
Юрка Петров заявление забрал,
В своих намереньях раскаясь.
— Да чтоб я пропал
с заявлением своим!
Дела на Даване, — сказал, —
не потеха!
Да чтоб вас не видеть
сто лет и сто зим —
В такую минуту
уехать?!
Фоменко поклялся:
— Даешь Даван!
Забросил под койку
свой чемодан.
Бригада сказала
Единым ртом:
Отпуски — после,
Свадьбы — потом!

Покамест тоннелем
 проткнем эти горы,
 Сквозь трудности века
 пророем тоннель,
 И дебри понижит
 счастливейший
 скорый —
 Цепляйся за скалы,
 за каждую щель
 (И там,
 где нельзя зацепиться
 даже!),
 Но
 только вперед
 за витком виток.
 В обход,
 но — вперед!
 До Байкала и дальше!
 Нацелен портал
 перевалу в висок,
 Но мы на прорыве!
 Наш путь на восток!
 В поту и в пыли
 — в благороднейшем гриме —
 Мы знаем,
 кувалдами
 шпалы
 клюя,
 Что нету дороги необходимей,
 Чем эта временная колея!
 Уже проступает в тротиловом
 дыме
 Скупой,
 обозначенный временем срок.

От ушедших на вечную службу
Ходоком возвращался отец.

Как работалось! Горько
и жарко —
Отрывая от малых детей,
Вывозили в скрипучих бестарках
Первый хлеб с опаленных полей.

Благодарен я солнцу и ветру,
И дождю, что меня не щадил,—
Что в поселок за семь
километров
По проселку я в школу ходил.

Что любил я пшеничную челку,
Благодарен судьбе и клянусь:
Я к асфальту ушел по
проселку —
По проселку однажды вернусь.

6

Война уж попятилась в логово,
Конца своего страшась.
От следа ее глубокого
Потоками кровь и грязь.

По наскоро сыпаным насыпям,
По шатким скрипучим мостам,
По рельсам, положенным наспех,
Пошел за составом состав.

Спешило на фронт пополнение —
Слезались глаза городов,
И пели солдаты рожденья
Двадцать последних годов.

Ломились в Берлин многотонно,
Броню на платформах неся,
И шпалы кряхтели со стоном,
Терпели — иначе нельзя.

Потом возвращались колонны,
В боях отмахав пол-Земли.
И, дробно стуча, эшелоны
В Европу наш хлеб повезли.

7

Ах, варвары —
первопроходцы,
Разведчики, буровики!
Тащить на себе улыбнется ль
Котомок двухпудовики?

Расквашенный летом кургузым,
Прокис и распался маршрут.
По зимнику катятся грузы,
Которых отчаянно ждут.

О, зимник, спасительный зимник!
В полсотни мороз — благодать.
Алмазный огонь подари мне,
Чтоб с грузом дорог совладать.

Дорога к Байкалу подходит,
Дымится ледовый бетон.
Мотор свою песню заводит
Транзистору верному в тон.

Заносы, разводья, торосы,
Поземки живое рядом.
Зевнешь и — откинешь колеса
И к омулю канешь на дно.

Дорога от вешки до вешки,
Сарма ли ревет, баргузин —
Не мешкай, не мешкай,
не мешкай!
Судьба не «орлом», так
«решкой» —
Байкал не уважит разинь.

Баранку сжимаешь упрямо,
В стекле занемело лицо.
И знаменем жизни воспрянет
Бессмертная память отцов.

Голодная хватка блокады
И смерти холодный полет.
Зальделая сталь Ленинграда,
И Ладоги стонущий лед.

Ах, Ладога, жила живая,
Горячая донора кровь,
На хрупком виске наливаясь —
Мостом промеж двух берегов.

Ах, Ладога, вечное счастье,
Живым помогая, спешить...
Твой подвиг неведомый мастер
Занес на скрижали души.

8

Мы века блюдем интересы.
По праву нам бег колеса.
Мы тянем звенящие рельсы,
Сажаем сады и леса.

Законные дети прогресса,
Мы жизнь не устанем любить.

Прогресс невозможен без леса —
Чтоб выстроить, надо срубить.

В том пету лукавой уловки —
Потомки нас вызовут в суд...
Но в хлябях таежных лежневки
Исправную службу несут!

Они, в глухомань продираясь,
Несут на себе этажи.
Без них не обжить небокрая
И новых домов не обжить.

Без них мы в болоте б застряли,
Без них не видать нам орбит,
Без них не сложить магистрали,
Туннеля без них не пробить.

Над миром бушуют пожары,
Но мир от озноба продрог.
Ну как бы жилось нам на Шаре
Без временных этих дорог?

По дипломатическим лужам
Идти без военных сапог —
Бессменная вечная служба
У временных этих дорог.

У Боярки сосен кружение
И жарко поют соловьи.
Высокое предназначенье
У временной той колени.

Ту славную узкоколейку
Я вижу, хоть путь каменист,
Широкой, прямой под линейку
Дорогою в коммунизм!

Бам, бам —
 Гром по утрам:
 От перфораторов
 Стук, та-ра-рам!
 Люто мерцает
 Настывший гранит.
 Сердце под каждою робой
 Горит!

Круто дорога,
 В гору идем.
 Но от подъема
 В сердце
 Подъем!

Бам, бам —
 Бой докторам:
 Бродит мороз,
 Как медведь, по горам,
 В падях туманы
 Встают на дыбы —
 Крепки ребята,
 Как в поле

дубы!

Наши труды и муки
 Выдержим до конца —
 К чему приложили

руки,

К тому
 приросли сердца!
 И оседает

порода глухая,

И отступают
 глухие века.

Где перфоратор
 сдает, задыхаясь,

Бьется
Корчагинская кирка!
Жизнь быстротечна —
Выше пары!
Рельсы не вечны —
Вечен порыв!
Бам! Бам! В трущобе таежной.
Дан! Дан времени срок.
И нету на свете дороги надежней
Построенных в сердце дорог!

И неспроста нам заветами
Жить и любить на родимой велено
земле.
Былью, заботами, болью
С кем тяжелее, тот и милей. проверено —

10

Бам! Бам!
Это — Даван.
Сказано — сделано,
Мало ли, много,
Сказано — сделано,
Вот вам дорога
Через ущелья и
Перевал.

Такое не забывают:
Ликут хозяин и гость,
Лучшие забывают
На стройке последний
Гвоздь!
Ликут плакаты и песни,

Ведь наша цель: огонь и свет
Для самой лучшей из планет,
На коей мы не гости!

12

Рты не закроешь на засов,
Мы в нашем деле стойки,
И громче всяких голосов
Пульс нашей стройки.

Заняты нравственных калек —
Решать «проблему века»:
Мол — для работы человек
Иль труд для человека?

Напрасно возитесь, друзья,
С проблемой ложной.
Как будто целое разъять
На части можно.

Бывает, въедлив и задаст,
К нам явится «философ» —
Не так ответит, как задаст
Милльон вопросов.

А помахать киркою — слаб.
О чем бы ни спросил его,
На все ответит: Я — не раб
И жить хочу красиво.

Другой глядит на вещи «вглубь»,
Постигнув «суть» работы:
— Я шаг ступил — гоните рупь!
И «ландыши не пойте».

Быть у таких на поводу
Мы не согласны.
На стройке каждый на виду
И слово гласно.

А то, глядишь,— среди мужчин
Наглец пригрелся,
Уж мещанин не мещанин —
Адепт прогресса.

Молились люди колесу.
То было встарь. А ныне
В столицах модных, не в лесу —
Автомобильной шине.

Перед компьютерами — лбом,
Прессует пресса.
Но раб останется рабом,
Хоть он и раб прогресса.

Пускай растлители орут,
Погрязши в тине.
Мы знаем: человек и труд
Во все века едины!

13

Люди богаты борьбой и трудом.
Слушайте все, кто дает и лишает!
Не замечали?

Заметим потом —

Болит у Планеты
 проблема большая:
Сколько ненужного поналетело
В общее дело, нужное дело!
Дело у каждого строго спросите,

Наши заботы просейте на сите.
Не «Жигули», не скрипучий диван—
Каждому
дайте
осилить
ДАВАН!
Каждому дайте пройти на подъем!
В сердце товарища,
в сердце своем!

14

Кто живет к истребленью
готовясь,
Нас понять попытайтесь хотя б:
Мы — работа,
Мы — совесть,
Мы — Вечный Октябрь!

Пешеход, второпях не порежся —
Словно лезвия, рельсы блестят.
Мчится поезд по рельсам —
Обгоняющий взгляд.

Всех, кто верил и строил,
Славит жаркая медь.
Ах как сладко героем
Там, где шел, пролететь.

Пассажиры экспресса
С орденами и без.
Мы не рельсы прогресса,
Мы — прогресс.

Мы свершаем и судим,
Хороним свинец.

Мы — Вселенная судеб,
Пульсары сердец!

15

Это не чудо. Работа такая.
После горячечных дней полосы:
Вот он, Байкал!

Он играет, сверкая,
Как богатырская капля росы.
Радуйтесь, радуйтесь! Это награда.
Выси и глуби сплетают лучи.
Только косою по травам —
Чуткую чашу не расплещи!

Это не храм,
не в пустыне обитель.
Но если даже глядеть с высоты:
Тише, пожалуйста,
шапки снимите —

Здесь
эпицентр
мировой
красоты!

Жаждают зрачки и горячие поры
Влаги, прекрасной без всяких
прикрас.

Преодолейте Байкальские горы,
Что громоздятся в каждом из нас!

Это не чудо.

Вся жизнь вот такая.
После глубокой, сплошной пахоты
Грянут, Байкалом ошеломляя,
Вечные дали земной красоты.

СОДЕРЖАНИЕ

Керчь	4
Хлеб и вода	6
«Варвара Гавриловна! Не забывается...»	8
Рабочая ось	10
Баба Люба	12
«Дед Семен остановил...»	14
«Ну вот и свиделся с тобою...»	16
Тополь	18
«У Калиакры волны глухо бухают...»	19
Гроза	20
Танец на огне	21
«А как могло еще случиться...»	23
Дуэль	25
«Мы применяемся к погоде...»	28
«Не верьте, что слезы нам душу врачуют...»	31
«Земля моя...»	32
«Снова насупилась даль снеговая...»	33
«Мы лежим у степных развалин...»	35
Волк	37
«На лесосеке солнца — добела...»	40
В экспедиции	41
«На зов огня...»	43
«Вечер тлеет, огонь затая...»	45
«Пушкинская вечером...»	46
«Во сне деревья вздрогнули...»	48
«Опьянила женщина меня...»	49
«Мне ли молодцем рядиться...»	50

«Всполошились к ненастью стрижи...» . . .	51
«Ну с кем не случится?..»	52
«Над собою не властен...»	53
«Бывают праздники в судьбе...»	54
Снег в Гурзуфе	55
«Зеленеет на склонах жито...»	57
«Внизу гремит Кассарское ущелье...» . . .	58
«Еще над миром ночь...»	59
Даван (поема)	62

Владимир Павлович Терехов

СВЕТ УТРЕННЕЙ ЗВЕЗДЫ.

С т и х и

Редактор *С. Н. Солодовникова*

Художник *М. П. Чуринова*

Художественный редактор

В. И. Верещак

Технический редактор *Н. Д. Крупская*

Корректор *С. А. Павловская*

Информ. бланк № 534

Сдано в набор 13.11.79. Подписано к печати 25.01.80. БЯ 03008. Формат 70×90^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Объем: 2,5 физ. п. л., 2,93 усл. п. л., 2,65 уч.-изд. л. Тираж 6000 экз. Заказ № 355. Цена 35 к.

Издательство «Таврия», Симферополь,
ул. Горького, 5.

Областная книжная типография Днепропетровского областного управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

320091. Днепропетровск-91, ул. Горького, 20.

35 к.

